

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Забывшие воспоминания о Ф. М. Достоевском в собрании А. Г. Достоевской

П. Е. Фокин

*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: pfokin@mail.ru

Аннотация. За прошедшие 140 лет со дня смерти Ф. М. Достоевского были опубликованы отдельными книгами и сборниками практически все воспоминания современников о писателе, которые являются общедоступными. Однако основной корпус свидетельств современников на сегодняшний день вовсе не исчерпывающий. Просмотр газетных вырезок, собранных А. Г. Достоевской, позволил выявить несколько не учтенных и пропущенных публикаторами заметок, которые зачастую представляют собой небольшие фрагменты, включенные авторами в статьи иной тематики и интересующие биографов Ф. М. Достоевского. В статье публикуются и комментируются воспоминания А. А. Соколова, С. Атавы, Вогюэ, В. Г. Авсеенко, В. Ф. Пуцыковича. Они относятся к последним годам жизни Достоевского. В них запечатлены отдельные черты его бытового поведения, отдельные реплики и высказывания. Интерес представляет рассказ В. Г. Авсеенко об отношении Достоевского к событиям европейской политической хроники, а также авторский комментарий Достоевского к «Великому инквизитору», записанный В. Ф. Пуцыковичем во время встречи в Берлине в 1879 г.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, воспоминания, Вогюэ, В. Г. Авсеенко, П. Д. Боборыкин, К. Н. Леонтьев, В. Ф. Пуцыкович

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).

Для цитирования: Фокин П. Е. Забытые воспоминания о Ф. М. Достоевском в собрании А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 136–155. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Forgotten Memoirs about F. M. Dostoevsky in the Collection of A. G. Dostoevskaya

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: pfokin@mail.ru

Abstract. In the 140 years that have passed since the death of F. M. Dostoevsky, almost all of his contemporaries' memoirs about the writer have been published (in separate books and collections).

To date, we can assume that the main corpus of Dostoevsky's contemporaries' accounts of him is publicly available. However, this does not mean that it is completely exhausted. A review of newspaper clippings collected by A. G. Dostoevskaya allowed us to identify several notes that were previously unaccounted for and missed by the publishers. For the most part, these are small fragments included by their authors in articles on other topics, nevertheless, they are also of interest to the biographers of F. M. Dostoevsky. The article publishes and comments on the memoirs of A. A. Sokolov, S. Atava, Vogue, V. G. Avseenko, V. F. Putsykovich. They are related to the final years of Dostoevsky's life, capturing distinct features of his everyday behavior, specific phrases and statements. Of interest is the story related by V. G. Avseenko about Dostoevsky's attitude to the political events in Europe, as well as Dostoevsky's commentary on his "The Grand Inquisitor," was recorded by V. F. Putskovich after a meeting in Berlin in 1879.

Keywords: memoirs of F. M. Dostoevsky, Vogue, V. G. Avseenko, P. D. Boborykin, K. N. Leontiev, V. F. Putsykovich

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90018.

For citation: Fokin P. E. Forgotten Memoirs about F. M. Dostoevsky in the Collection of A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 136–155. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601 (In Russ.)

Первый сборник воспоминаний о Достоевском, подготовленный В. Е. Чешихиным, вышел в составе серии «Историко-литературная библиотека» в 1912 г. в издательстве «Товарищество И. Д. Сытина и К^о» (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1912*). В 1920-е гг. практически друг за другом были опубликованы несколько книг мемуарного характера, написанных родственниками (*Достоевская Л. Ф.*), (*Достоевская А. Г., 1923*), (*Достоевская А. Г., 1925*) и близкими к Достоевскому людьми (*Суслова*). Наконец, в 1934 г. стали доступны в полном объеме воспоминания младшего брата писателя Андрея Михайловича Достоевского (*Достоевский А. М.*). Эти публикации позволили в 1964 г. подготовить расширенное двухтомное издание «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1964*), в основе которого были материалы, собранные В. Е. Чешихиным. С небольшими добавлениями двухтомник был переиздан в 1990 г. (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990*).

В указанных выше сборниках были использованы материалы, вышедшие ранее или самостоятельными изданиями, или в журнальных публикациях. При этом достаточно большой и интересный массив текстов, появившийся в 1880–1900-е гг. на страницах газет, был фактически проигнорирован. Этот пробел восполнил в 1993 г. С. В. Белов, подготовивший сборник «Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» (*Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*). В научный и культурный оборот было возвращено около 60 статей и заметок о Достоевском.

На сегодняшний день основной корпус свидетельств современников о Достоевском является общедоступным, но он вовсе не исчерпан. Просмотр газетных вырезок, собранных А. Г. Достоевской, позволил выявить несколько не учтенных и пропущенных публикаторами заметок, которые зачастую

представляют собой небольшие фрагменты, включенные авторами в статьи иной тематики, тем не менее они также представляют интерес для биографов Достоевского.

26 июля 1889 г. «Петербургская газета» поместила небольшую заметку «Праздношатающегося» (А. А. Соколов) в память газетного торговца И. К. Кузьмина, в которой упоминается Достоевский:

«Пульсъ газетный” пересталь биться. Газетнымъ пульсомъ звали старѣйшаго изъ петербургскихъ торговцевъ газетами Ивана Кузьмича Кузьмина, имѣвшаго три прилавка въ Пассаждѣ.

— И кто-кто не стоялъ у моего прилавка, говаривалъ покойный. И Ѳедоръ Михайловичъ (Достоевскій) стаивалъ и насчетъ газетнаго дѣла бесѣдовалъ. Часто заходилъ, особенно, когда “Дневникъ писателя” издавалъ.

И начнетъ, бывало, Иванъ Кузьмичъ пересчитывать литераторовъ, “здравскихъ” литераторовъ, такъ окажется, что около него всѣ перебивали, о газетномъ дѣлѣ справляясь.

— Центръ у меня тутъ, самый бой. Всегда услѣдить можно, какая газета идетъ ходче, какой журналъ больше требуется. Ровно въдъ *пульсъ* бьется.

Отсюда онъ и прозвище получилъ “Газетнаго пульса” и едва-ли это прозвище не было дано покойному Ѳедоромъ Михайловичемъ. Это прозвище Ивана Кузьмича нѣсколько разъ фигурировало и въ печати.

Покойный отличался большимъ умомъ, честностью и рѣдкимъ среди торговцевъ безкорыстіемъ. <...>

Ив. К. Кузьминъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ по времени распространителемъ отдѣльныхъ газетныхъ №№ среди публики» (*Петербургская Газета*).

Эта скромная по объему публикация очень информативна. Во-первых, она вводит в круг знакомых Достоевского новое лицо. В масштабном справочнике С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов] имя И. К. Кузьмина отсутствует. Кроме того, из этой заметки мы узнаем еще об одном месте Петербурга, которое регулярно посещал в 1870-е гг. писатель.

Из воспоминаний А. Г. Достоевской известно, что писатель каждый день выходил на прогулку. Анна Григорьевна во время этих выходов не сопровождала мужа, поэтому его маршруты практически неизвестны, в то же время они представляют несомненный интерес.

Посещение газетной торговли И. К. Кузьмина, очевидно, было регулярным. Несомненно, это место было особенно привлекательно для Достоевского, всегда пристально следившего за современными событиями и новостями. И. К. Кузьмин, как можно понять из статьи, относился к числу энтузиастов своего дела и, конечно же, ежедневно читал газеты, которыми торговал. В общении с ним Достоевский мог узнавать о наиболее интересных статьях, опубликованных в газетах, которые он не выписывал, и покупать необходимые ему издания.

Мы узнаем, что особенно часто Достоевский заходил к К. И. Кузьмину в период издания «Дневника Писателя». Безусловно, его интересовала реакция читателей, которую розничная торговля отражала мгновенно.

К. И. Кузьмин мог делиться и своим читательским впечатлением, и теми отзывами, которые ему доводилось слышать от покупателей.

Судя по всему, К. И. Кузьмин был человеком словоохотливым, да и Достоевский умел при желании разговорить собеседника. И в разговоре с ним Достоевский безусловно узнавал не только газетные новости, но и устные, неофициальные. Круг общения К. И. Кузьмина, как пишет «Праздношатающийся», был обширен: «около него все перебивались» — и уж точно не одни «заправские» литераторы (заметим, слово «заправские» — из лексикона Достоевского). Достоевский «стаивал» у его прилавка с явным интересом.

Можно предположить, что К. И. Кузьмин был по-человечески симпатичен писателю. Выходец из простонародной среды, при этом образован, начитан, судя по страсти похвастаться знакомствами со знаменитостями, обладал простодушным характером, «отличался большим умом, честностью и редким среди торговцев бескорыстием», а главное — проявлял живой интерес к жизни, был деятельным и неравнодушным, что так импонировало темпераменту Достоевского. Неслучайно он добродушно прозвал своего знакомца «Пульс газетный».

В забытом фельетоне С. Атавы (С. Н. Терпигорев) «Умерший писатель», посвященном прощанию с Достоевским, прослеживается контакт писателя с городской средой:

«...Въ квартиру пробраться не было никакой возможности. Толпа становилась все плотнѣе и плотнѣе. Приѣзжавшіе въ каретахъ и на извозчикахъ останавливались далеко гдѣ-то, выходили и шли пѣшкомъ, въ тщетномъ предположеніи, что такъ имъ удастся все-таки, наконецъ, попасть къ праху умершаго. Я никогда не видывалъ такой толпы, т. е. толпы такого состава: бѣдняки, старики, старухи, какія-то блѣдныя, изнуренныя, ранѣе зрѣлости состарившіеся женскія и дѣвичьи лица, блѣдныя лица мужчинъ съ несомнѣнными на нихъ слѣдами долгихъ страданій — странная толпа. Нѣсколько оборванныхъ, грязныхъ, нарумяненныхъ, пьяныхъ женщинъ истерически рыдали тутъ же. Страхъ какой-то обуялъ меня... Я тутъ только понималъ, что такое писатель и что можетъ сдѣлать искреннее, отъ сердца оторванное, и брошенное толпѣ имъ слово...» (Атава).

С. Атава, скорее всего, сгустил краски для большей выразительности картины или, под впечатлением от события, невольно увидел в лицах людей, пришедших отдать последний поклон Достоевскому, его героев — «униженных и оскорбленных». Однако такое впечатление не могло родиться на пустом месте, из одной только фантазии литератора. Кто же эти люди из простонародья, которые так оплакивали Достоевского? Его читатели? Не исключено, что некоторые из них действительно читали что-то из произведений Достоевского, но вряд ли их было большинство. Они все — персонажи Достоевского, но не сошедшие со страниц его романов, а жившие с ним по соседству, знавшие его лично.

Илл. 1. Сергей Николаевич Терпигорев (Атава).

Санкт-Петербург. 1870-е — 1880-е гг.

Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

ГЛМ КП 50948/67

Fig. 1. Sergey Nikolaevich Terpigorev (ATAVA). St. Petersburg. 1870s — 1880s.

The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

GLM KP 50948/67

Е. А. Штакеншнейдер в своем дневнике записала жалобы Анны Григорьевны на «расточительство» мужа:

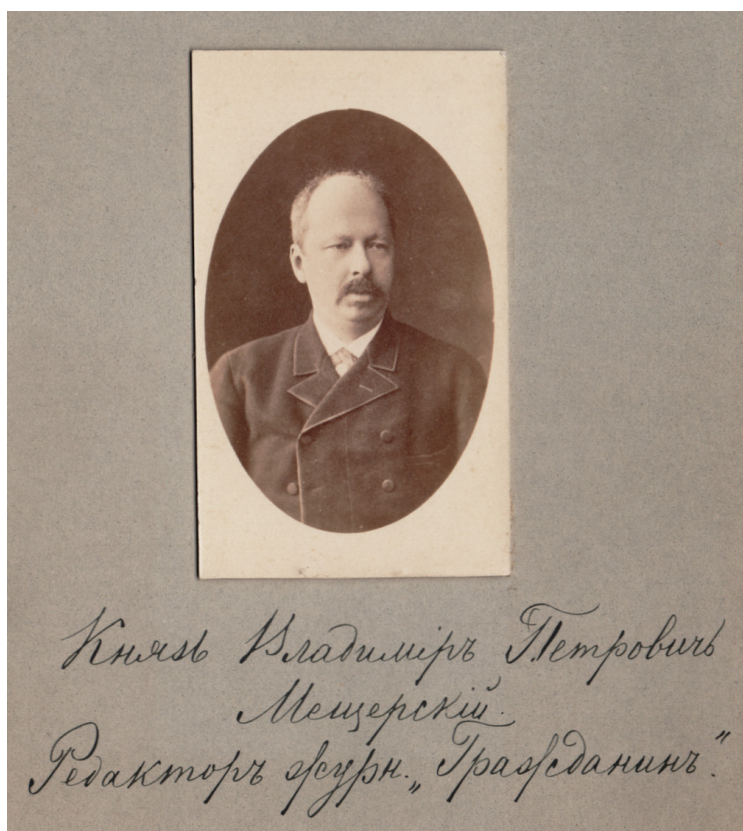
«Придет с улицы молодой человек, назовется бедным студентом, — ему три рубля. Другой является: был сослан, теперь возвращен Лорис-Меликовым, но жить нечем, надо двенадцать рублей, — двенадцать рублей даются. Нянька старая, помещенная в богадельню, значит, особенно не нуждающаяся, придет, а приходит она часто. “Ты, Анна Григорьевна, — говорит он, — дай ей три рубля, дети пусть дадут по два, а я дам пять”. И это повторяется не один раз в год и не три раза, а гораздо, гораздо чаще. <...> Вы не поверите, на железной дороге, например, он, как войдет в вокзал, так, кажется, до самого конца путешествия все держит в руках раскрытое портмоне, так его и не прячет, и все смотрит, кому бы из него дать что-нибудь. Гулять ему велели теперь, но он ведь и гулять не пойдет, если нет у него в кармане десяти рублей. Вот так мы и живем» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990: 363).

Илл. 2. Елена Андреевна Штакеншнейдер. Санкт-Петербург.
Фотоателье И. А. Гоха. 1870-е — 1880-е гг.
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
ГЛМ КП 50948/728

Fig. 2. Elena Andreevna Stackenschneider. Saint-Petersburg.
I. A. Gokh's photo studio. 1870s — 1880s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
GLM KP 50948/728

Облагодетельствованными подаванием Достоевского были десятки и сотни бедняков и несчастных, которых он постоянно встречал и вокруг рынка на Кузнечном, и рядом с Владимирской церковью, и просто на улицах. Достоевский, конечно, помогал не только деньгами, но и живым словом, человеческим участием. С простыми людьми писатель общался охотно и искренне. Его характерная внешность была хорошо знакома всем обитателям близлежащих улиц и переулков. Многие из них не только не подозревали, что он гениальный писатель, но и, скорее всего, не знали даже его имени, зато были уверены, что он «добрый человек». И вот пришли оплакивать.

Илл. 3. Владимир Петрович Мещерский. Санкт-Петербург. Фотоателье В. Везенберга. 1880-е гг. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 3899/178

Fig. 3. Vladimir Petrovich Meshchersky. Saint-Petersburg. V. Wesenberg's photo studio. 1880s. From the collection of A.G. Dostoevskaya. The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. GLM KU 3899/178

Образованных на европейский манер выскочек, высокомерных космополитов Достоевский, как известно, не жаловал, поэтому в светских салонах, где таких «русских европейцев» было предостаточно, он слыл угрюмым, неприветливым, колким. Князь В. П. Мещерский вспоминал:

«...бывало, на моих вечерах, пока все сидевшие с ним были близкие, Достоевский бывал очарователен и рассказами, и остроумием, и своею оригинальною по смелости логикою. Но едва только входил гость ему мало или вовсе незнакомый, сразу Достоевский входил, как улитка, в свою раковину, и превращался в молчаливого и злого на вид истукана, и продолжалось это до тех пор, пока этому незнакомцу не удастся произвести на Достоевского симпатичного впечатления... И беда была, если, не дождавшись этого впечатления, незнакомец решится заговорить с Достоевским: непременно приходилось ждать со стороны Достоевского злую физиономию и какую-нибудь грубую реплику» (Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников: 209–210).

Яркой иллюстрацией этих слов служат забытые воспоминания журналиста, литературного критика и прозаика Василия Григорьевича Авсеенко (1842–1913), опубликованные в «Новом Времени»:

«Съ Достоевскимъ мнѣ случилось встрѣтиться только два раза въ жизни. Въ первый разъ это было въ началѣ 70-хъ годовъ, вскорѣ послѣ парижской коммунѣ, на вечерѣ у Я. П. Полонскаго. Тамъ былъ П. Д. Боборыкинъ, еще почти молодой человѣкъ, только что вернувшійся изъ-за границы, оживленный, говорливый, весь проникнутый самыми политическими и культурными интересами европейскихъ столицъ. Этимъ онъ чрезвычайно отличался отъ собравшагося общества, слѣдившаго за европейскою жизнью какъ бы изъ-за тридцати земель. Онъ и одѣтъ былъ какъ-то по другому, не такъ какъ одѣваются петербургскіе литераторы; между прочимъ на немъ были воротнички съ изображеніемъ на уголкахъ лошадиныхъ головъ — въ то время послѣдній крикъ заграничной бульварной моды. Этого было совершенно достаточно, чтобы пробудить въ Достоевскомъ самое человѣко-ненавистническое чувство къ молодому русскому литератору, который къ тому же ничѣмъ не обнаружилъ особаго впечатлѣнія отъ встрѣчи съ авторомъ “Преступленія и наказанія”. По всей вѣроятности П. Д. Боборыкинъ также мало подозрѣвалъ о враждебно-настороженномъ вниманіи Достоевскаго, какъ и о провинціальномъ равнодушіи остальныхъ къ интересамъ западной жизни. Видимо еще весь охваченный заграничными впечатлѣніями, онъ очень долго и много рассказывалъ о Делеклюзѣ, котораго тогда разыскивали и не могли найти, и вдавался по этому поводу въ догадки и соображенія съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто ему была обѣщана премія за поимку бѣглеца. Достоевскій все больше и больше хмурился, и вдругъ сказалъ не громко, но такъ что многіе слышали:

— Да на какого чорта намъ объ этомъ Делеклюзѣ рассказываютъ? Для чего мы эту чепуху должны слушать?

Милѣйшій хозяинъ, Полонскій, смутился и попытался замять разговоръ. Н. Н. Страховъ слабо хихикнулъ и, поглаживая свою уже и тогда сѣдую бороду, обратился къ Достоевскому со словами, которыя должны были его успокоить. Онъ былъ горячимъ его поклонникомъ и умѣлъ вкрадчиво вливать бальзамъ въ его душу. Но во весь остальной вечеръ Достоевскій былъ необычайно мраченъ, и весь его разговоръ состоялъ изъ бранчивыхъ фразъ въ самомъ нетерпимомъ славянофильскомъ духѣ.

Въ другой разъ я встрѣтился съ Достоевскимъ у покойнаго К. Н. Леонтьева, прекраснаго и недостаточно оцѣненнаго рассказчика изъ славяно-греко-турецкой жизни на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ нѣкоторое время служилъ консуломъ. Въ Петербургѣ Леонтьевъ былъ проѣздомъ и жилъ въ гостиницѣ. Достоевскій, войдя въ номеръ, долго разматывалъ

какой-то странный коврикъ, окутывавшій ему шею, и что-то пробурчалъ вмѣсто привѣтствія. Вообще прошло не мало времени, пока онъ усѣлся и втянулся въ разговоръ. Но разговоръ былъ чрезвычайно странный. Достоевскій походилъ на человѣка, который хочетъ, но не можетъ напасть на интересующій его предметъ. Поговорили о нѣкоторыхъ болезняхъ и способахъ врачеванія, о гостиницѣ, гдѣ стоялъ Леонтьевъ, и о непонравившихся Достоевскому нѣмецкихъ кельнерахъ въ коридорѣ. Леонтьевъ, видимо желая занять гостя, рассказалъ, что когда ему для какой-то черной работы прислали русскаго мужика, то онъ призвалъ оберъ-кельнера и выразилъ ему мнѣніе, что въ русской гостиницѣ черную работу должна исполнять нѣмецкая, а не русская прислуга, на что нѣмецъ возразилъ только односложнымъ: — “So?” Но и этотъ рассказъ не расшевелилъ Достоевскаго, и посидевъ съ полчаса и грубо отказавшись отъ предложеннаго ему чаю, онъ сталъ снова обматывать шею своимъ страннымъ коврикомъ.

— Что, онъ всегда такой? — не безъ удивленія спросилъ я по его уходѣ.

Леонтьевъ, будучи немножко дипломатомъ, только слегка пожалъ плечами и поигралъ глазами» (Авсенко).

Илл. 4. В. В. Матэ. Портрет В. Г. Авсенко. Гравюра. 1880–1890-е гг.
Государственный музей истории российской литературы
имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 11599/2

Fig. 4. V. V. Mate. Portrait of V. G. Avseenko. Engraving. 1880s — 1890s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
GLM KU 11599/2

После газетной публикации воспоминания В. Г. Авсеенко не переиздавались. Отрывок, в котором рассказывается о встрече Достоевского с К. Н. Леонтьевым, процитирован Н. А. Рабкиной в статье «Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории» [Рабкина: 315], со ссылкой на которую в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» дается информация о его встрече с К. Н. Леонтьевым [Летопись, т. 3: 362–363]. Опираясь на эту же публикацию, С. В. Белов в статье о В. Г. Авсеенко в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» пишет об одной их встрече; в то же время воспоминания В. Г. Авсеенко прямо начинаются со слов: «С Достоевским мне случилось встретиться только два раза в жизни».

В. Г. Авсеенко — автор довольно резких отзывов о романах Достоевского «Бесы» и «Подросток». Ему чужда эстетика Достоевского, о которой он писал:

«Свойства таланта этого писателя таковы, что нормальная, здоровая жизнь, ежедневная действительность обыкновенно исчезают из сферы его наблюдений, заслоняясь воображениями и анализом ненормальных явлений, в чем он особенно силен» [Летопись, т. 2: 405].

Достоевский ему неприятен. Это чувствуется и в тоне его воспоминаний, пронизанных снисходительным недоумением и плохо скрываемой иронией. Заметим, что после «ответной» расправы Достоевского с В. Г. Авсеенко в апрельском «Дневнике Писателя» за 1876 г. интонация мемуариста могла быть более злой.

Достоевский называет В. Г. Авсеенко «сбивчивым писателем», ядовито признаваясь:

«Отвечать г-ну Авсеенко нет никакой выгоды: трудно представить писателя, менее вникающего в то, что он пишет. А впрочем, если б он и вникал, то вышло бы то же самое» (ДЗ0, т. 22: 103).

Правила печатной полемики не позволили Достоевскому назвать В. Г. Авсеенко попросту «дураком».

Достоевский видит в В. Г. Авсеенко особый тип писателя-западника, «потерявшего себя на обожании высшего света»:

«...он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шелковые платья (особенно тот момент, когда дама садится в кресло, а платье зашумит около ее ног и стана) и, наконец, лакеев, встречающих барыню, когда она возвращается из итальянской оперы. Он пишет обо всем этом беспрерывно, благоговейно, молебнo и молитвенно, одним словом, совершает как будто какое-то даже богослужение» (ДЗ0, т. 22: 107).

Кстати, как тут не обратить внимание на особо модные воротнички Боборыкина, которые памятли В. Г. Авсеенко и двадцать лет спустя!

Нападки В. Г. Авсеенко на Достоевского продолжались и после смерти писателя. В 1894 г. критик утверждал в одной из статей о Достоевском:

«...образование средняго кадета. Знакомство съ европейскою литературою самое ограниченное, по совершенному незнанію иностранныхъ языковъ. Начитанность немножко въ родѣ той, какую обладаютъ старообрядческіе уставщики. Знаніе жизни и людей очень одностороннее, частью благодаря долгому пребыванію въ Сибири, частью вслѣдствіе несообщительности и мелочной нетерпимости. Талантъ своеобразный, способный отдѣлять сильный терпкій запахъ, и не лишенный той гибкости, какая вырабатывается лицемѣриемъ» (цит. по: *Буренин*).

Благодаря сохранившимся воспоминаниям В. Г. Авсеенко его литературная дуэль с Достоевским получает дополнительный оттенок. В основе неприятия Достоевским критических выступлений и литературных опусов В. Г. Авсеенко лежали идейные разногласия. По этой же причине В. Г. Авсеенко негативно относился к творчеству Достоевского. Но нельзя исключать их личную неприязнь.

Рассказывая эпизод с П. Д. Боборыкиным, В. Г. Авсеенко всецело на стороне молодого коллеги. Раздраженные слова Достоевского он принимает близко к сердцу, будто они были адресованы ему. По сути, так оно и было. Вероятно, Достоевский своим пронизательным взглядом сумел тогда рассмотреть не только увлеченного своими новостями П. Д. Боборыкина, но и откровенно сочувствующего ему и его модным воротничкам В. Г. Авсеенко, который Достоевскому также не понравился. И, кто знает, может быть, в сторону Авсеенко на том вечере тоже прозвучали некие «бранчивые фразы», о которых В. Г. Авсеенко не упоминает, но которые остались в его душе.

Датировать эпизод позволяет упоминание имени активного деятеля и фактического руководителя парижской Коммуны в дни ее падения Луи Шарля Делеклюза (1809–1871), который погиб на баррикадах 25 мая 1871 г. Достоевский вернулся в Россию 8 (20) июля. Возможно, участь Делеклюза не сразу стала известной и была окружена слухами, которые стали основой рассказов П. Д. Боборыкина. Долго такие новости не живут, следовательно, воспоминания В. Г. Авсеенко относятся к первым неделям возвращения Достоевского из-за границы и свидетельствуют о том, что писатель, вернувшись на родину, сразу же стал возобновлять свои прежние знакомства, бывать в обществе, посещать литературные салоны.

В. Г. Авсеенко упрекает собравшихся у Я. П. Полонского (а значит, и Достоевского) в «провинциальном равнодушии к интересам западной жизни». Конечно, это было далеко не так. Письма и публицистика Достоевского свидетельствуют о его пристрастном интересе к западной жизни. Только взгляд у него был иным — русским. Европейские события *сами по себе, только как* европейские события, без их отношения к России и русским делам, ему были скучны. Раздражение Достоевского на слова П. Д. Боборыкина вполне объяснимы. Он отсутствовал на родине четыре года и устал от Европы, ему хотелось домашних известий. А тут какой-то Делеклюз! Кем бы он ни был. «Да на какого чорта!» Для чего он эту чепуху должен слушать?

Илл. 5. Петр Дмитриевич Боборыкин. Пересъёмка с фотографии И. А. Александрова. 1880-е гг. Москва. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 12665/2842

Fig. 5. Pyotr Dmitrievich Boborykin. Retake of a photograph by I. A. Alexandrov. 1880s. Moscow. The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. GLM KU 12665/2842

Второй эпизод исследователи датируют декабрем 1879 г. [Летопись, т. 3: 362–363]. Узнал ли Достоевский В. Г. Авсеенко, когда неожиданно встретил его в гостиничном номере у К. Н. Леонтьева? Наверное, да. Но даже если в первую минуту и не узнал (А. Г. Достоевская пишет о забывчивости Достоевского на лица), то уж несомненно, что по правилам светского обихода К. Н. Леонтьев представил вошедшему Достоевскому своего гостя. Потому

так нескладно и вел себя Достоевский, явно недовольный тем, что оказался в компании человека, о котором совсем недавно еще писал так нелюбезно и которого, на самом деле, не уважал. Очевидно, что В. Г. Авсеенко явно мешал разговору и Достоевский во время визита никак не мог «напасть на интересующий его предмет», говорил о несущественном и «светском»: о болячках и способах их лечения. Несомненно, не это было поводом прихода Достоевского к Леонтьеву. Бестактный В. Г. Авсеенко этого не почувствовал и дождался того, что Достоевский ушел.

В не очень содержательном рассказе В. Г. Авсеенко кроме настойчивого упоминания о «коврике», которым укутывал свою шею Достоевский (отомстил за воротнички П. Д. Боборыкина!), интерес вызывает общая атмосфера визита, свидетельствующая о давнем знакомстве Достоевского с К. Н. Леонтьевым. Во всяком случае видно, что Достоевский и К. Н. Леонтьев встречаются не в первый раз. Это подчеркнуто и репликой В. Г. Авсеенко после ухода Достоевского.

История личного знакомства Достоевского с К. Н. Леонтьевым мало документирована. В упомянутой статье Н. А. Рабкиной помимо встречи, описанной В. Г. Авсеенко, со ссылкой на Д. Н. Любимова, упоминается встреча на обеде у Любимовых в 1880 г. в Москве и, со слов из письма К. Н. Леонтьева В. В. Розанову, в Петербурге за месяц до Пушкинской речи, то есть в мае 1880 г. Свидетельство В. Г. Авсеенко косвенно, но вполне однозначно указывает на встречи писателей в предыдущие годы.

Отдельный тип мемуарных свидетельств, затерявшихся в газетной периодике, составляют реплики Достоевского, воспроизводимые по случаю лицами, которые общались с ним.

19 (31) октября 1893 г. «Новое Время» (№ 6337) дает отчет о банкете русской прессы в Париже, на котором с речами выступали российские и французские журналисты и общественные деятели, в частности, дипломат, литературный критик, исследователь и популяризатор творчества Достоевского во Франции граф Эжен Мельхиор де Воюэ (1848–1910), не раз встречавшийся с писателем в Петербурге в салоне С. А. Толстой.

Корреспондент «Нового Времени» из Парижа сообщает:

«Представители русской литературы и печати, приѣхавшіе въ Парижъ по случаю празднествъ, давали, какъ извѣстно, въ Hôtel Continental представителямъ французской литературы, печати и искусства банкетъ на 128 кувертовъ <...>.

На банкетъ предсѣдательствовали А. С. Суворинъ и виконтъ Мельхиоръ де Воюэ, членъ французской академіи <...>.

Графъ де Воюэ произнесъ длинную рѣчь, изъ которой газеты приводятъ слѣдующія выдающіяся мѣста:

<...> Помню разговоръ съ изступленнымъ Достоевскимъ, когда однажды вечеромъ онъ металъ грома противъ мерзостей въ западной культурѣ и противъ Парижа, этого великаго Вавилона, въ особенности. Пупомъ этого ужаснаго Вавилона былъ для него Café Anglais, и онъ говорилъ, что когда-нибудь оно провалится въ геену, въ то время какъ мстительная рука начертитъ на стѣнѣ три роковые слова: “Мане, ѳакель, ѳаресь”. Вамъ случалось, быть-можетъ, проникать въ эту берлогу, и вы не нашли въ немъ ничего особенно ужаснаго. Огненная рука не привела еще въ исполненіе слова Достоевскаго,

только алмазы по-прежнему гравировать на стеклах имена, ничего страшного не представляющія...» (*Новое Время*).

Помимо еще одного свидетельства страстного неприятия Достоевским буржуазной цивилизации, которую он в свое время так безжалостно разоблачил в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях», в этой реплике привлекает внимание упоминание парижского *Café Anglais*, располагавшегося на углу бульвара Итальянцев и рю де Мариво и бывшего в середине XIX века популярным местом встречи артистической богемы.

Достоевский был в Париже дважды: в 1862 и 1863 гг. В первую поездку он провел в столице Франции целый месяц. Второй визит был короче.

Илл. 6. Константин Николаевич Леонтьев.

Пересъёмка с фотографии 1860-х гг.

Государственный музей истории российской литературы
имени В. И. Даля. ГЛМ КП 39743

Fig. 6. Konstantin Nikolaevich Leontiev. Retake of a photograph from the 1860s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

GLM KP 39743

В письме Н. Н. Страху 26 июня (8 июля) 1862 г. Достоевский сообщает, что намерен «не теряя времени, обозреть и изучить его (Париж. — П. Ф.) не ленись, сколько возможно для простого туриста, каков я есмь» (*Д30*, т. 28₂: 27). Сведений о том, где именно был и что видел в Париже Достоевский, очень немного. В письмах он об этом не рассказывает, а в «Зимних заметках о летних впечатлениях» сообщает только самые приблизительные сведения (в отличие от Лондона).

О Café Anglais Достоевский говорил явно не понаслышке. Писавший буквально в это же время фантазию «Призраки» И. С. Тургенев так изобразил в ней Итальянский бульвар:

«Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины в пышных платьях теснились по панелям; раззолоченные рестораны и кофейные горели огнями; омнибусы, кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара; все так и кипело, так и сияло, все, куда ни падал взор... <...> Казалось, горячий, тяжелый, рдяный пар поднимался оттуда, не то пахучий, не то смрадный: уж очень много жизней сбилось там в одну кучу» (*T12*, т. 7: 211).

Благодаря реплике де Вогюэ устанавливается еще один парижский адрес, связанный с именем Достоевского. И не самый случайный. Невозможно узнать, в какой из визитов в Париж Достоевский посещал Café Anglais. Но это, несомненно, одно из тех мест, которое побудило его в 1863 г. написать В. Д. Констант: «Не нравится мне Париж, хоть и великолепен ужасно. Много в нем есть кой-что посмотреть; но как осмотришь, то упадет ужасная скука. <...> для туриста как я, наблюдающего просто за нравами, французы мерзят, а город уж мне почти известен» (*Д30*, т. 28₂: 40–41).

Примечательно, что не только «славянофил» Достоевский, но и «парижанин» И. С. Тургенев испытывал к этому месту сходные чувства:

«Но вот резкий, как лязг железных полос, голос уличной лоретки внезапно долетел до меня; как наглый язык, высунулся он наружу, этот голос; он кольнул меня, как жало гадины. Я тотчас представил себе каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщицьи глаза, белила, румяны, взбитые волосы и букет ярких поддельных цветов под остроконечной шляпой, выскребленные ногти вроде когтей, безобразный кринолин... Я представил себе также и нашего брата степняка, бегущего дрянной припрыжкой за продажной куклой... Я представил себе, как он, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать в манерах гарсонам Вефура, пищит, подслуживается, юлит, — и чувство омерзения охватило меня <...>

Неси меня прочь от этих мабилей и мезон-доре, от ганденов и бишей, от Жокей-клуба и Фигаро, от выбритых солдатских лбов и вылощенных казарм, от сержандевилей с эспаньолками и стаканов мутного абсенту, от игроков в домино по кофейным и игроков на бирже, от красных ленточек в петлице сюртука и в петлице пальто, от господина де Фуа, изобретателя «специальности браков» и даровых консультаций д-ра Шарля Альбера, от либеральных лекций и правительственных брошюр, от парижских комедий и парижских опер, от парижских остроумий и парижского невежества... Прочь! прочь! прочь!» (*T12*, т. 7: 211).

Еще одно мнение Достоевского о Франции воспроизвел в своей статье «Франция, Россия и тройственный союз» Виктор Феофилович Пуцыкович (1843–1909) в политическом обозрении «Нового Времени» «Внешние известия» 22 августа (3 сентября) 1893 г.:

«...Покойный Достоевский, съ свойственною ему пронизательностью, въ 1879 году, въ Берлинѣ, говорилъ мнѣ, что нынѣшняя Франція имѣетъ одно важное преимущество для насъ: она искренно будетъ исполнять всѣ наши требованія, такъ какъ ея прежнія “фанабериі” исчезли безвозвратно...» (Пуцыкович, 1893).

Встреча В. Ф. Пуцыковича с Достоевским состоялась 22 июля (3 августа) 1879 г. [Летопись, т. 3: 332]. О ней мемуарист более подробно расскажет в 1902 г. в заметке «О Ф. М. Достоевском (Из воспоминаний о нем)», опубликованной в «Новом Времени» (№ 9292 от 16 (29) января) в связи с полемикой Инфолио с В. В. Розановым вокруг «Великого инквизитора». В. Ф. Пуцыкович приводит слова Достоевского о замысле и характере поэмы. Эти воспоминания известны и, ввиду важности их содержания, частично процитированы в соответствующей статье «Летописи жизни и творчества...». Однако там слова Достоевского приведены в сокращении, поэтому публикуем их целиком:

«Дѣло въ томъ, что самъ покойный Ф. М. Достоевскій не только сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя разъясненія насчетъ этой легенды, но и прямо поручилъ мнѣ кое-что о ней написать. Проѣздомъ въ 1879 г. лѣтомъ въ Эмсъ и обратно въ Петербургъ нашъ знаменитый теперь повсюду писатель провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ. Вотъ что онъ мнѣ, между прочимъ, прямо тогда продиктовалъ съ просьбою написать объ этомъ: “Федоръ Михайловичъ съ этою легендою — о великомъ инквизиторѣ — достигъ кульминаціоннаго пункта въ своей литературной дѣятельности или — какъ это прибавилъ онъ — въ своемъ творествѣ”... На вопросъ же мой, что значитъ то, что онъ помѣстилъ именно такую религіозную легенду въ романъ изъ русской жизни (“Братья Карамазовы”) и почему именно онъ считаетъ не самый романъ, имѣвшій такой успѣхъ даже до окончанія его, важнымъ, а эту легенду, онъ объяснилъ мнѣ вотъ что. Онъ тему этой легенды такъ-сказать выносилъ въ своей душѣ почти въ теченіе всей жизни и желалъ бы ее именно теперь пустить въ ходъ, такъ какъ не знаетъ, удастся ли ему еще что-либо крупное напечатать. Относительно же самого содержанія легенды онъ прямо объяснилъ, что она — противъ католичества и папства, и именно самого ужаснаго періода католичества, т.-е. инквизиціоннаго его періода, имѣвшаго столь ужасное дѣйствіе на христіанство и все человѣчество. Онъ прямо говорилъ, что въ инквизиціонномъ католичествѣ дѣйствовали не Христосъ и даже не папы, а “просто злой духъ, бѣсъ, чортъ”... Противъ католичества же вообще и особенно періода первыхъ чистыхъ вековъ христіанства онъ, конечно, не имѣлъ ничего; даже разъ мнѣ сказалъ, что если новѣйшая Италія чем-либо прославилась, такъ это своимъ папствомъ и могучею объединяющею силою на весь міръ первоначальнаго вселенскаго католичества.

Послѣ всего этого, мнѣ кажется, что г. Розановъ совершенно правъ, увѣряя въ опроверженіе мыслей г. Инфолио о томъ, что Достоевскій будто бы заимствовалъ фабулу легенды у Гете и Вольтера, что невозможно “трудъ жизни, страданія мысли многолѣтнія, тяжелыя, сердечныя приравнивать къ литературному заимствованію”. Но г. Розановъ не правъ въ своемъ замѣчаніи, что это какъ бы не столько “анти-католическая, сколько вообще анти-христіанская” легенда! Нѣтъ, именно анти-католическая, — по этимъ его личнымъ сдѣланнымъ мнѣ разъясненіямъ, но, повторяю,

анти-католическая позднѣйшаго періода, періода упадка его, господства католической іерархіи лишь по виду надъ душами вѣрующихъ, а въ сущности такъ сказать надъ ихъ грѣшными тѣлами и ихъ имуществами чисто мірскими и пр. Не даромъ же Достоевскій и избралъ для дѣйствія великаго инквизитора 16-е столѣтіе, когда католичество въ Испаніи достигло того, что государственною инквизиціею было казнено нѣсколько десятковъ тысячъ католиковъ!

Вполнѣ правъ также г. Розановъ, говоря, что вовсе не нужно и справокъ съ Вольтеромъ и Гете, чтобы начать сочинять подобную легенду, ибо “все это (содержаніе) такъ общераспространено, составляетъ такой краеугольный камень христіанства”... Къ тому же Достоевскій былъ крайне щепетилень насчетъ заимствованій, — особенно тайныхъ, въ произведеніяхъ творчества. Вообще и мнѣ представляется такое заимствование совершенно невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, — да еще будто бы “съ мстительнымъ, протестантскимъ характеромъ источника”. Насчетъ же протестантовъ въ религіозныхъ дѣлахъ Достоевскій тоже постоянно такъ отзывался: “Да у нихъ ничего нѣтъ” или “ничего не осталось”.

Разъясненія его мнѣ насчетъ легенды о великомъ инквизиторѣ я болѣе 22 лѣтъ носилъ въ себѣ все имѣя ввиду написать обстоятельныя воспоминанія о Ѳедоре Михайловиче, отъ котораго имѣю еще не напечатанные письма» (*Пуцъковичъ, 1902*).

Къ свидетельствамъ В. Ф. Пуцъковича следуетъ относиться съ осторожностью, учитывая, что, как он самъ говорит, они написаны болѣе 22 летъ спустя после разговора, и поэтому если тогда не были буквально записаны, то, конечно, претерпели неизбежные для памяти искаженія. Кроме того, как установили исследователи, онъ достаточно вольно относился къ первоисточникамъ, даже при подготовкѣ къ публикacии писемъ Достоевскаго, довольно свободно редактируя ихъ, «вмешиваясь въ тексты писемъ подчеркиваніемъ, вычеркиваніемъ, пропусками целыхъ абзацевъ и даже переносомъ фрагментовъ писемъ изъ одного въ другое» [Зинкова, Солопова: 110]. Что ужъ говорить о *личныхъ* воспоминаніяхъ!

Такъ ли понялъ слова Достоевскаго его собеседникъ? Очевидно, что онъ значительно сузилъ проблематику поэмы. Достаточно сравнить текстъ воспоминаній со словами Достоевскаго, написанными тогда же для вступительнаго слова передъ чтеніемъ поэмы на литературномъ утре въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета 30 декабря 1879 г.:

«Смыслъ тотъ, что если исказишь Христову веру, соединивъ ее съ целями мира сего, то разомъ утратится и весь смыслъ христіанства, умъ несомненно долженъ впасть въ безверіе, вместо великаго Христова идеала созиждится лишь новая Вавилонская башня. Высокій взглядъ христіанства на человечество понижается до взгляда какъ бы на звериное стадо, и подъ видомъ социальной любви къ человечеству является уже не замаскированное презрѣніе къ нему» (*Д30, т. 15: 198*).

Темъ не менее совсемъ ставить подъ сомнѣніе свидетельство В. Ф. Пуцъковича не стоитъ, ибо въ целомъ оно не противоречитъ известнымъ фактамъ.

Воспоминанія современниковъ — важный источникъ биографическихъ данныхъ. И, хотя онъ требуетъ критическаго отношенія и проверки другими матеріалами и документами, онъ болѣе тесно связанъ съ личностью того, о комъ идетъ речъ. Факты могутъ быть искажены, но сохраняется образъ, который можетъ быть болѣе ценнымъ, чемъ сами факты. Каждое свидетельство дополняетъ

свой штрих в портрет, свою краску. И даже самые незначительные по объему рассказы или отдельные эпизоды, вписанные в общую картину, имеют значение. Поиск и осмысление таких «осколков памяти», связанных с личностью Достоевского, необходимо продолжать.

Когда-то в юности Достоевский написал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать». Разгадке этой тайны посвящено все творчество Достоевского. Он показал, что даже самый обыкновенный человек, не одаренный какими-либо талантами и способностями, представляет собой бездну, которую постичь до конца практически невозможно. Личности, выдающиеся из середины, являют собой еще бóльшую загадку. Сам Достоевский был фигурой экстраординарной. Он был гением. В его личности человечеству дан опыт грандиозного масштаба и значимости, *ключ к разгадке тайны человека*. Именно поэтому бесценным является не только целое его судьбы, но и все, без исключения, ее элементы — в буквальном смысле слова каждый шаг Достоевского.

Источники

Авсеенко — А. О. [Авсеенко В. Г.] Из литературных воспоминаний // Новое Время. СПб., 1900. № 8794. 11 (24) августа.

Атава — Сергей Атава. Умерший писатель // Новое Время. СПб., 1886. № 3568. 2 (14) февраля.

Буренин — В. Буренин. Критические очерки // Новое Время. СПб., 1894. № 6470. 4 (16) марта.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевская А. Г., 1923 — Достоевская А. Г. Дневник. М.: Новая Москва, 1923. XVI, 390 с. (Документы по истории литературы и общественности / [Центрархив]; Вып. 7.)

Достоевская А. Г., 1925 — Достоевская А. Г. Воспоминания / под ред. Л. П. Гроссмана. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 310 с.

Достоевская Л. Ф. — Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери / пер. с нем. Л. Я. Круковской; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. 105 с.

Достоевский А. М. — Достоевский А. М. Воспоминания / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 425 с.

Новое Время — Банкет русской прессы // Новое Время. СПб., 1893. № 6337. 19 (31) октября.

Петербургская Газета — Из записной книжки Праздношатающегося. 25-го июля // Петербургская Газета. СПб., 26 июля 1889. № 202.

Пуцыкович, 1893 — П. [Пуцыкович В. Ф.] Внешние известия. Франция, Россия и тройственный союз // Новое Время. СПб., 1893. № 6279. 22 августа (3 сентября).

Пуцыкович, 1902 — В. Пуцыкович. О Ф. М. Достоевском (Из воспоминаний о нем) // Новое Время. СПб., 1902. № 9292. 16 (29) января.

Суслова — Суслова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / вступ. статья и примеч. А. С. Долинина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928. 194 с.

T12 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1912 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках / сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чехихин). М.: Т-во И. Д. Сытина, [1912]. LVI, 336 с. (Историко-литературная библиотека / под ред. А. Грузинского; при близж. участии Н. Л. Бродского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова; Вып. 7.)

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1964 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. А. Долинин; вступ. ст. Б. Рюрикова. М.: Худож. лит., 1964.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; Подготовка текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990.

Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников — Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 331 с.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Зинкова В. С., Солопова А. И. «Надежда на Васъ однихъ!..» (Переписка Ф. М. Достоевского с В. Ф. Пуцыковичем: полный комментированный корпус писем) // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 108–118 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (01.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Г. М. Фридендера, Н. Ф. Будановой. СПб.: Академический проект, 1999.
4. Рабкина Н. А. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1984. Т. 43. № 4. С. 315–326.

References

1. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar'*: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: *Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyua Publ., 2001. (In Russ.)
2. Zinkova V. S., Solohova A. I. "I rely only on You!.." (Correspondence of F. M. Dostoevskiy with V. F. Putsykovich: Complete Corpus of Letters with Commentaries). In: *Neizvestnyj Dostoevskiy [Unknown Dostoevsky]*. Petrozavodsk, 2016. № 4. С. 108–118. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (accessed on June 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. (In Russ.)
4. Rabkina N. A. Dostoevsky's Antihero and the Strokes of Real History. In: *Izvestia Akademii nauk SSSR. Seria literatury i jazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language]*. Moscow: Nauka Publ., 1984. Vol. 43. No. 4. P. 315–326. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фокин Павел Евгеньевич, кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской культуры им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>; e-mail: pfokin@mail.ru.

Pavel E. Fokin, PhD (Philology), Head of Department “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>; e-mail: pfokin@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 06.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.08.2021

Принята к публикации / Accepted 20.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021